

тов хозяйствования, а также достичь качественного социально-экономического уровня развития государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков, Ю.В. Практика примирения примирительной процедуры в исполнительном производстве / Ю.В. Рожков // Вестн. Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. 2011. – № 1 (ноябрь). – С. 88 – 90.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА СПОРОВ

Гавриленко В. А.

Представляется, что третейский суд, не может быть полностью выведен из сферы государственного контроля. Мировая практика свидетельствует, что третейское разбирательство подвергается такому контролю путем контроля со стороны органов судебной власти в его деятельность. В нашей стране данный вопрос регламентируют, прежде всего, Закон «О международном коммерческом арбитраже» и Закон «О третейских судах в Российской Федерации», а также Административный процессуальный кодекс (АПК) и Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) Российской Федерации.

Рассматривая судебный контроль в сфере третейского разбирательства споров, а именно на каких этапах и что именно контролируют государственные суды в отношении судов третейских, можно прийти к выводу, что предмет их контроля и объем этого контроля значительно различается в зависимости от объекта контроля и вмешательства.

Контроль со стороны государства имеет место на следующих стадиях деятельности третейских судов, таких как создание третейского суда, контроль за вынесенными промежуточными актами третейского суда, контроль за решениями третейских судов. Рассмотрим подробнее эти стадии.

При создании третейского суда судебный контроль происходит исключительно в рамках уведомительной процедуры о создании третейского суда, путем представления в государственный суд указанных в законе документов. Последний наделен минимумом регулирующих полномочий относительно третейского суда. Вся процедура сводится только к принятию представленных документов. Их анализ и оценка государственным судом не предусмотрена. Ввиду того, что контрольные полномочия государственного суда на этой стадии минимальны, все негативные последствия относительно нарушений на этой стадии могут наступить на других, более поздних стадиях судебного контроля, поскольку, сам процесс уведомления о создании третейского суда, регламентирован, но не указаны последствия нарушения этого порядка. Будет ли третейский суд считаться созданным и имеет ли он право выносить решения, при нарушении процедуры уведомления о его создании. Считаем правильным, что «третейский суд, кото-

рый был создан, но о создании которого не был уведомлен компетентный суд, необходимо рассматривать как незаконный, и, следовательно, принимаемое им решение не обладает юридической силой» [1, с. 74]. Следующая стадия судебного контроля может наступить при вынесении этим судом определений о компетенции и об обеспечении иска. Он происходит в строгой процессуальной форме путем рассмотрения заявления заинтересованной стороны и вынесения соответствующего судебного акта. При этом оба вышеуказанных определения третейского суда имеют между собой мало общего с точки зрения объекта контроля. Так, определение о компетенции третейского суда проверяется государственным судом по существу, оцениваются сами обстоятельства, послужившие третейскому суду основанием для выводов о его компетенции или ее отсутствии на рассмотрение спора. Таким образом, государственный суд, контролируя правильность принятия определения о наличии у третейского суда компетенции, рассматривает правильность принятия решения по этому вопросу третейским судом и как следствие определяет возможность вынесения решения по этому спору третейским судом, т.е. устанавливает наличие или отсутствие компетенции рассматривать спор.

Стоит отметить, что этот вид контроля на сегодня является чисто теоретическим, ввиду того, что ст. 235 АПК РФ предусматривает возможность обжалования определения о компетенции, если это предусмотрено законом, ГПК РФ вообще не содержит подобной нормы. Поэтому можно прийти к выводу, что для внутренних третейских судов, такой возможности обжалования определений о компетенции не установлено. В ситуации, когда государственный суд исполняет контрольные функции в отношении определения третейского суда о принятии обеспечительных мер, предметом его контроля являются оценочные обстоятельства о необходимости принятия соответствующих обеспечительных мер. При решении этого вопроса очень велико судебное усмотрение и государственный суд выносит определение о принятии им обеспечительных мер, исходя из собственной позиции о необходимости обеспечения. Определение третейского суда является скорее набором доказательств для принятия государственным судом решения о принятии обеспечительных мер. При этом закон не обязывает государственный суд давать оценку вынесенному третейским судом определению или установленным в нем обстоятельствам.

Рассмотрим теперь вопрос судебного контроля на стадии исполнения решения третейского суда. Средством оспаривания третейского решения является ходатайство об отмене, подаваемое в суд. Законом РФ «О международном коммерческом арбитраже» данная процедура регулируется следующим образом. Арбитражное решение может быть отменено судом лишь в случае, если:

- 1) сторона, заявляющая ходатайство об отмене, представит доказательства того, что:
 - одна из сторон в арбитражном соглашении была в какой-либо мере недееспособна, или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по закону Российской Федерации; или
 - она не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или

- решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то может быть отменена только та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, не охватываемым арбитражным соглашением; или

- состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон, если только такое соглашение не противоречит любому положению настоящего Закона, от которого стороны не могут отступать, либо в отсутствие такого соглашения не соответствовали Закону о МКА; либо

2) суд определит, что:

- объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или

- арбитражное решение противоречит публичному порядку Российской Федерации [3].

Аналогичные положения содержатся в статье 5 Конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» и статья 9 «Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже».

Таким образом, Закон Российской Федерации «О Международном коммерческом арбитраже» и упомянутые Конвенции содержат исчерпывающий перечень оснований для отмены или отказа в признании или исполнении решения международного коммерческого арбитража. При этом Закон «О Международном коммерческом арбитраже» и Конвенции не допускают пересмотра судом решения арбитража по существу. На эту особенность процесса в международном коммерческом арбитраже неизменно обращается внимание в отечественной и зарубежной литературе по международному частному праву.

Несмотря на приведенные положения Закона Российской Федерации «О Международном коммерческом арбитраже» и указанных Конвенций, судебная практика свидетельствует о том, что в ряде случаев сложно установить пределы судебного вмешательства и суды не всегда действуют в пределах своих полномочий в этой сфере.

Следует привести случай превышения судом своих полномочий в рассматриваемой сфере. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда рассмотрела ходатайство иностранной фирмы о разрешении принудительного исполнения арбитражного решения, вынесенного арбитражем Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты. При рассмотрении спора арбитраж исходил из того, что к отношениям сторон применимо российское право. Суд, проанализировав арбитражное решение, сделал, в частности, следующие выводы.

Удовлетворяя иски о прекращении контракта, арбитраж объявил его расторгнутым с определенной даты, а не с момента вступления в законную силу решения арбитража, как требует ст. 450 ГК РФ. Доводы арбитража о том, что у сторон существовало единое мнение о прекращении контракта с определенной даты, не основано на законе.

Так, в силу ст. 452 п. 1 ГК РФ соглашение об изменении или расторжении договора совершается в той же форме, что и договор. В данном случае соглашения в письменной форме о прекращении договора не было достигнуто.

Далее, суд, согласившись с доводами ответчика, указал в определении, что косвенные издержки и снижение производительности не подпадают под понятие «убытки». Суд отметил, что оценка убытков, расчет косвенных издержек и снижение производительности сделаны арбитражем на основании норм процессуального права Швеции, которое арбитраж не вправе был применять, так как понятие убытков и порядок расчета убытков определяется нормами материального права, а не процессуального. В итоге суд отказал в разрешении принудительного исполнения на территории России этого арбитражного решения [4].

Можно утверждать, что данные выводы в принципе, не могут быть положены в основу определения суда по ходатайству о разрешении принудительного исполнения на территории России какого бы то ни было арбитражного решения. Такие выводы, независимо от возможных иных оснований судебного решения, свидетельствуют о том, что суд пересматривает решение арбитража по существу. Следует подчеркнуть, что мнение заявителя или даже суда о неправильном применении арбитражем норм российского права не может служить основанием для судебного решения об отмене арбитражных решений или об отказе в их признании и принудительном исполнении на территории Российской Федерации.

Представляется, что любые сомнения относительно наличия оснований, предусмотренных законом или международным договором, для отмены арбитражного решения или отказа в признании и принудительном исполнении такого решения должны толковаться в пользу арбитражного решения.

Таким образом, рассмотрев контрольные функции государства в отношении деятельности третейских судов, можно сделать следующие выводы. Наличие государственного контроля деятельности третейских судов являются необходимым элементом правового регулирования защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, которую осуществляет третейский суд. Можно утверждать, что государственный контроль выступает необходимой гарантией против возможного ущемления прав субъектов третейского разбирательства. Но государственные суды могут действовать только в порядке, предусмотренном действующим законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скворцов, О.Ю. Комментарий к Федеральному Закону «О третейских судах в Российской Федерации» / О.Ю. Скворцов. – М., 2003.
2. Морозов, М.Э. Государственный контроль за деятельностью третейских судов / М.Э. Морозов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitrage.ru>.
3. О Международном коммерческом арбитраже: Закон Рос. Федерации. – Ст. 34.
4. ИПС «Консультант Плюс».